

Дубы святые жёлуди несут
в трухлявом пне, похожем на сосуд,
и небо опирается на посох
фонарных пилигримов. За плечом
моста твой путь становится лучом,
и листья, замирая в разных позах

на простыне земной, играют блюз.
Я больше никуда не тороплюсь,
но выдыхают песни пара Лели
стыдливых красок и пустых высот,
и пробегает ночь наискосок,
минуя все земные параллели.

На ветках застывает звёздный воск,
и мир, открытый настезь, как киоск,
раскладывает на витрине прессу
полночных туч и листопадных схим,
и окрыляет штампом заводским
письмо, в котором слог твой сжат и пресен,

и, оплетая небо, снов лоза
через стекло глядит в твои глаза
и, наглядывшись вдоволь, попредметно
раскладывает ночь из длинных лиг
на фразы, и твой мир, что не велик,
величием наполняет воздух медный.

Становится случайным перелёт
из лета в осень, неслучайным—лёд
в душе моей. Из лунного опала
искра сбегает в подвенечный бриз
рассвета. Выступ времени—ребрист,
и там, за ним, листва уже опала.

И на излёте белогривый ров
сбегает в погреб по ступеням строф,
в кадушку слова. В зареве, пропетом
десятки раз, но всякий раз иным,
нет вдохновенья, нет моей вины,
лишь осень за небесным парашютом.

За кирпичным склепом—ежевика,
за молчаньем шторы—шорох фраз,
посмотри на небо и живи, как
в первый раз и как в последний раз.

Сам себе и воля, и темница,
закрывай внутри себя ключи.
Видишь, засыхает медуница
там, где птица больше не кричит,
и спешит тропа твоя из дома
в сизый плен тернового куста,
но строка, как в детстве, невесома,
а душа по-прежнему чиста,

нет в ней ни запрета, ни предела
чуда, есть полётная строка,
только бы душа не оскудела,
только бы не дрогнула рука,

и весны, и воздуха хватило
досказать, домыслить и допеть
миг тот, что раскачивал кадило
лунное и солнечную сеть,

и к нему на грудь слетала дрёма,
и в его ладонь ложились мхи,
а в моей сейчас клубок черёмух,
видишь, и огарочек ольхи.

Только не гляди вперёд с опаской,
я с тобой, а значит—не страшись,
упразднится смерть с Господней Пасхой,
и опять случится с нами жизнь.

● ● ●
Хрустит каждый камешек, как позвонок,
внутри пересохшей речки,
безумствуй, кричи, телефонный звонок,
но помни и веруй в речи.

Мороза дыхание, ветра гудки,
миграция снежной стаи,
уже не облако—белый кит
наш дом целиком глотает.

В его животе не могила—цех,
там плавятся песнь и слово,
ты что-то кричишь мне на том конце—
и я выживаю снова,

и вновь обретаю покой и мир,
но чувствую хрупкость крова
и жизни твоей, между нами—миг
длиной в телефонный провод.

А город кружится в руках зимы,
и сыплется снег на счастье,
в коротких гудках умираем мы,
чтоб в длинных опять начаться.

Моё дыхание сбереги
от тех, кто на холод ропщет,
и мы пройдем мимо той реки,
где ждёт нас седой паромщик,

и воды льнут к нему и, рыча
на небо, наш берег точат,
но давит ангел мой на рычаг—
и нас разделяет тотчас.

● ● ●
К тебе летит орёл двуглавый,
ко мне—крещенский голубок,
я выхожу на берег Лавы,
где нити трав, верстая главы
зимы, закручены в клубок,

и снежный ком в речной гортани
стоит—ни вскрикнуть, ни вздохнуть.
Челнок рассвета по батане
воды бежит и в Иордане
крещенья ждёт, расправив грудь.

И выгибаются глубины
хребтами рыбьими, по дну
скользят чешуйчатые спины,
вода горчит, как горсть рябины,
и вслед за духом голубиным
летит к раскрытому окну

на крыльях солнечной метели,
на белых мётлах тишины,
и я не знаю, на кресте ли
распяты крылья свиристели
или над нами скрещены.

● ● ●
Лучики-пальцы приподнимают ловко
ясли за уголки невесомой тени.
Что ты мне скажешь, шёлковая головка,
золотое темя?

Нет ни волов, ни овец у нас—только звёзды.
Падать начнут—будем плести корзину.
Сколько тревог и радости мне принёс ты,
чтобы наполнить зиму?

Сколько любви? Оставь. Мне делиться не с кем.
Снег мой пернатый кружится над лесами.
Там, под звездой, наверное, Вифлеемской,
хлев наш стоит, и сани

по лесу мчатся к снежному Назарету.
Тень на ладони вечера легче пуха.
Хочешь, коснёшься облака на заре ты
ризой Святого Духа?

И ни волхвов не случится, ни стад пастушьих
к нам не придёт—дары не нужны ничьи нам.
Только над нами будут служить, послушай,
звёзды соборным чином.

● ● ●
Солнечные параллели, между ними на
зелёном стержне утра звенят монеты.
Давай придумаем птицам новые имена,
давай придумаем людям новые имена
и назовём этими именами созвездия и планеты.

Из витража событий осколок сам
медленно выпадает и бьётся оземь.
Давай разложим ветер по голосам,
давай запомним ветер по голосам
и голосами этими заполним наш дом и осень.

Там, где случится радужный пережат,
на мелководье неба мелькнёт зарница.
Давай откроем новые берега,
давай охватим новые берега
руками сосен, весною, что в них хранится.

Ветренное созвездие срывая, ты просто не
думай про силу мифов и аллегорий.
Давай пройдем по солнечной простыне,
давай взойдем по солнечной простыне
на облако, останемся там, в радости или в горе.

В сердце своём и в слове ты бунт твори,
не разбирая, что в море том: остров, мыс ли?
Давай найдём мы старые буквари,
давай откроем старые буквари
и выучимся по ним, как в детстве, читать и мыслить.